

*Посвящается Х.,
от которого у меня нет секретов.
Ну, или не слишком много.*

Большое спасибо Марку Хедли, Дженни Бонд, Розе Эндрюс и Оливии Хейвуд за их великодушные советы.

И, как всегда, огромная благодарность Линде Эванс, Патрику Плонкингтон-Смайту, Араминте Уитли и Селии Хейли, моим друзьям и советчикам.

Конечно, у меня есть секреты.

Еще бы! У каждого имеется хоть парочка секретов. Совершенно нормальное явление. Уверена, что у меня их не больше, чем у любого другого.

Я имею в виду не глобальные, эпохальные секреты. Не типа «президент-задумал-бомбить-Японию-и-только-Уилл-Смит-способен-спасти-мир». Всего лишь обычные, банальные, маленькие секреты. Вроде тех, что я могу перечислить с ходу и наугад, не слишком копаясь в памяти:

1. Моя сумочка от «Кейт Спейд» — подделка.
2. Я люблю сладкий херес — самый отстойный напиток во Вселенной.
3. Понятия не имею, за что ратует НАТО. И вообще, что это такое.
4. Мой вес 58 килограммов, а не 52 килограмма, как считает мой бойфренд Коннор.
5. Я всегда считала, что Коннор чем-то смахивает на Кена. Того самого, приятеля Барби.
6. Иногда, прямо в момент страсти в постели, меня так и подмывает рассмеяться.
7. Я лишилась девственности с Дэнни Нусбаумом в спальне для гостей, пока мама и папа внизу смотрели по телевизору «Бен Гура».
8. Я уже выпила вино, которое отец велел мне хранить двадцать лет.
9. Сэмми, золотая рыбка моих родителей, совсем не та самая золотая рыбка, за которой папа и мама просили меня присмотреть, когда уезжали в Египет.
10. Когда моя коллега Артемис доводит меня до белого каления, я поливаю ее растение апельсиновым соком (то есть фактически каждый день).

11. Однажды мне приснился совершенно бредовый лесбийский сон насчет Лиззи, моей соседки по квартире.

12. Мои стринги врезаются в кожу.

13. В глубине души я всегда свято верила, что отличаюсь от окружающих, что не такая, как все, и что вот-вот, прямо за углом, меня ждет новая, волнующая жизнь.

14. Понятия не имею, о чем распространяется этот тип в сером костюме.

15. И вообще напрочь забыла его имя.

А ведь впервые я увидела его всего десять минут назад.

— Мы верим в созидательные союзы, построенные по законам логистики, — дребезжит он гнусавым, монотонным голосом, — и стараемся не отступать от них.

— Да, конечно, — жизнерадостно киваю я, словно призывая всех и каждого поддержать оратора.

«Логистика». Это еще что за штука?

О боже! Что, если меня спросят?

Не дури, Эмма. С чего это они вдруг потребуют объяснить, что означает слово «логистика», меня, такого же специалиста по маркетингу? Да я просто по определению обязана знать подобные вещи.

Но если в разговоре еще раз всплывет это слово, я тут же смею тему. Или скажу, что я лучше разбираюсь в постлогистике, или придумаю еще что-нибудь в этом роде.

Сейчас самое главное — выглядеть уверенной и деловитой. Уж это я смогу. Раз мне выпал такой редкий шанс, я его не профукаю.

Я сижу в офисе штаб-квартиры «Глен ойл» в Глазго и любуюсь своим отражением в оконном стекле. Выгляжу я классно — просто топ-бизнесумен. Волосы выпрямлены, в ушах скромные серьги, в точности как советуют носить в статьях «Как-получить-престижную-работу», и еще на мне шикарный новый костюм. (Вернее, практически новый. Я купила его в благотворительном магазине, пришила пуговицу взамен потерянной, так что ни в жизнь не отличить!)

Здесь я представляю «Пэнтер корпорейшн», то есть фирму, где работаю. Это совещание должно окончательно узаконить со-

глашение о продвижении на рынок нового клюквенного энергетического напитка «Пэнтер прайм» между нашей фирмой и «Глен ойл», и я только сегодня специально прилетела из Лондона, за счет компании, конечно.

Как только я появилась, маркетинговые типы из «Глен ойл» затеяли одну из своих длинных выпендренных «кто-путешествовал-больше» бесед о воздушных милях и новом ночном рейсе в Вашингтон. Я тоже принялась врать, и, по-моему, вполне убедительно, если не считать того, что заявила, будто летала в Оттаву на «Конкорде». Прозвучало это солидно, хотя позже оказалось, что «Конкорд» не летает в Оттаву. Но, по правде говоря, мне впервые пришлось путешествовать куда-то по делам.

О'кей. Если уж совсем честно, это первая сделка, в которой я участвую. Точка. Одиннадцать месяцев я проработала в «Пэнтер корпорейшн» ассистентом службы маркетинга, и до этих пор мне всего-навсего милостиво позволяли распечатывать копии документов, оповещать других сотрудников о совещаниях, бегать за сэндвичами и брать вещи босса из химчистки.

Так что сегодняшнее задание — что-то вроде большого прорыва. Я питаю крохотную тайную надежду, что, если все пройдет хорошо, меня, возможно, и повысят. Объявление насчет моей вакансии гласило: «Возможность повышения по истечении года», а в понедельник у меня ежегодная аттестация, которую обычно проводит мой босс Пол. Я просмотрела раздел «Аттестации» в руководстве для служащих компании, и там было сказано, что это «идеальная возможность для обсуждения вероятных перспектив карьерного роста».

Карьерный рост!

При мысли об этом я ощущаю в груди знакомый укол самолюбия. Все же покажу отцу, что я не конченная неудачница. И маме. И Керри. Представляете, заявляюсь я домой и этак небрежно бросаю: «Кстати, меня повысили. Теперь я полноправный специалист по маркетингу».

Эмма Корриган, руководитель службы маркетинга.

Эмма Корриган, старший вице-президент службы маркетинга.

Если сегодня все пройдет как надо. Пол сказал, что условия сделки обговорены, все улажено и мне остается только кивать,

пожимать руки, а на такое способна даже я. И пока, похоже, волноваться нет причин.

Конечно, я действительно не врубаюсь в смысл их рассуждений, то есть не понимаю примерно девяносто процентов того, что здесь говорится. Впрочем, я не понимала ровно столько же французских слов на устном выпускном экзамене в школе и все же получила В.

— Смена марки... анализ... рентабельность...

Мужчина в сером костюме все еще нудит по поводу неизвестно чего. Я, по возможности незаметно, подвигаю ноготком его визитку и вытягиваю шею.

Дуг Гамильтон. Ну да, верно. О'кей, это я вполне могу запомнить. Дуг. Дуга. Легко.

Я представляю тонкую дужку сережки. Вместе с «гам». Шумгам... который утонул в иле... и...

Нет, лучше просто записать.

Я записываю в блокноте: «Смена марки», «Дуг Гамильтон» — и неловко ерзаю на стуле. Господи, до чего же трусы неудобные! Черт, стринги даже в лучшем случае нельзя назвать удобными, но эти просто кошмар. Вообще-то, это вполне естественно, ведь они на два размера меньше, чем нужно. Их же покупал Коннор. Он и сказал продавщице, что я вешу пятьдесят два килограмма. Вот она и решила, что у меня должен быть восьмой размер. Восьмой!

(Лично я считаю, что это она от злости. Должно быть, догадалась, что я приврала.)

Представьте: сочельник, мы обмениваемся подарками, я разворачиваю свой и вижу шикарные светло-розовые шелковые трусы. Восьмого размера. И у меня, в сущности, два выхода.

1. Честно признаться: «Видишь ли, они мне малы. У меня скорее двенадцатый. И кстати: я вешу не пятьдесят два килограмма».

Или...

2. Втиснуть себя в трусы.

Впрочем, последнее оказалось не так уж и трудно. Красные рубцы на коже почти не были видны... потом. И это означало одно: придется быстренько срезать с одежды все этикетки, чтобы Коннор ни о чем не пронюхал.

Стоит ли говорить, что после этого я почти не носила его роскошный подарок. Но стоит мне увидеть стринги в комод, такие шикарные и дорогие, как я думаю: «Да брось, не могут же они быть такими уж тесными», — и каким-то образом впихиваюсь в них. Сегодня утром, в очередной раз проделав эту процедуру, я даже решила, что, должно быть, похудела, поскольку особого неудобства не ощутила.

Уж такая я оптимистичная кретинка.

— ...к сожалению, поскольку смена марки... иная концепция... новый подход... переоценка политики... чувствуем, что нам необходимо рассмотреть альтернативную деятельность...

До этой минуты я только сидела и кивала, воображая, что все идет как по маслу. Плевое дело эти бизнес-совещания. Но голос Дуга Гамильтона постепенно начинал проникать в подсознание. Что он там бормочет?

— ...два совершенно различных продукта... становятся несовместимыми...

Что там насчет несовместимости? Что там насчет переоценки политики?

И тут мне становится как-то тревожно. А вдруг это не просто треп? Может, он на самом деле что-то дельное говорит? Быстро, быстро, слушай.

— Мы ценим функциональное и продуктивное партнерство, так много давшее в прошлом и «Пэнтер», и «Глен ойл», — продолжает Дуг Гамильтон. — Но все мы согласны с тем неоспоримым фактом, что в последнее время фирмы избрали различные направления.

Различные направления?

Так он об этом толковал все время?

У меня в желудке что-то сжимается. Потом дергается.

Не может же он...

Неужели он пытается уклониться от сделки?

— Простите, Дуг, — вмешиваюсь я с самым непринужденным видом. — Поверьте, я крайне внимательно следила за ходом вашей мысли... — Следует дружелюбная «мы-профессионалы-должны-держаться-вместе» улыбка. — Но не могли бы вы... еще раз изложить ситуацию для большей ясности?

«Только на обычном английском», — мысленно умоляю его я. Дуг Гамильтон и второй тип переглядываются.

— Видите ли, нам не слишком нравится ваша ориентация.

— Моя ориентация? — в панике переспрашиваю я.

— Ориентация марки продукта, — поясняет он, взирая на меня с несколько странным видом. — Как я уже объяснял, мы в «Глен ойл» изменяем марку и видим наш новый имидж другим. Продукт, который мы продвигаем, должен быть «ухаживающим за машиной», можно сказать, должен беречь ее. Я, конечно, имею в виду бензин. Этому и соответствует наш новый логотип с нарциссами. И мы считаем, что «Пэнтер прайм», с его упором на спорт и элемент состязательности, чересчур агрессивен.

— Агрессивен? — Я просто ошарашена. — Но... но это фруктовая вода.

Что за чушь? «Глен ойл» производит вонючий, быстро испаряющийся, портящий экологию бензин. А «Пэнтер прайм» — невинный напиток с клюквенным вкусом. Как он может быть чересчур агрессивным?

— Имеются в виду ценности, которые с его помощью проповедуются. — Дуг тычет пальцем в рекламные брошюры на столе. — Драйв. Элитарность. Мужественность. Да и сам слоган «Не останавливайся!» кажется несколько устаревшим. — Гамильтон пожимает плечами. — Мы, видите ли, не думаем, что совместная акция возможна.

Нет. Нет. Это происходит не со мной. Немыслимо. Он не может дать задний ход!

Все в офисе решат, что это моя вина. Подумают, будто я все провалила, а значит, я полное дерьмо.

Мое сердце готово выскочить из груди. Щеки горят. Я не могу допустить провала. Но что сказать? Я вообще не готовилась к этому совещанию. Пол твердил, что все улажено и мне останется только всем пожать руки.

— Прежде чем принять окончательное решение, мы, несомненно, все обсудим еще раз, — заявляет Дуг, сдержанно мне улыбаясь. — И, как уже было сказано, мы хотели бы продолжить сотрудничество с «Пэнтер корпорейшн», так что в любом случае это была полезная встреча.

Он отодвигает стул.

Я не могу позволить ему ускользнуть! Нужно попробовать убедить их! Склонить на свою сторону. Закрыть сделку.

То есть, я хотела сказать, завершить сделку.

— Погодите! — слышу я собственный голос. — Минутку. Я еще не высказалась. Хотелось бы привести вам кое-какие аргументы.

О чем это я? Нет у меня никаких аргументов.

На столе стоит банка «Пэнтер прайм», и я хватаюсь за нее в поисках вдохновения. Пытаясь выиграть время, встаю, выхожу на середину комнаты и поднимаю банку повыше, чтобы все ее видели:

— «Пэнтер прайм»... напиток для спортсменов.

Я запинаясь. Все вежливо молчат. Мое лицо покалывают сотни иголок. Просто нервный зуд какой-то.

— Я... э... он очень...

О господи! Что я делаю?

Давай, Эмма, Думай. Думай... «Пэнтер прайм»... Думай. «Пэнтер-кола»... Думай... Думай!..

Да! Конечно!

Отлично, все сначала.

— С самого появления напитка «Пэнтер-кола» в конце восьмидесятых продукция «Пэнтер» стала символом энергии, энтузиазма и совершенства! — выпаливаю я.

Слава богу! Это стандартная рекламная аннотация «Пэнтер-колы». Я печатала ее столько миллиардов раз, что могу повторить даже во сне.

— Напитки «Пэнтер» — это маркетинговый феномен, — продолжаю я. — Эмблема «Пэнтер» — одна из наиболее узнаваемых во всем мире, а классический слоган «Не останавливайся!» даже попал в словари. И теперь мы предлагаем компании «Глен ойл» уникальную возможность выступить вместе с этой первоклассной, всемирно известной маркой.

По мере того как растет уверенность, я начинаю расхаживать по комнате, размахивая банкой.

— Покупая тонирующий напиток «Пэнтер», потребитель демонстрирует окружающим, что выбирает самое лучшее. — Я резко хлопаю ладонью по банке. — И следовательно, в свою

очередь, ожидает лучшего от своего энергетического напитка, лучшего от бензина и лучшего от самого себя!

Я парю! Я фантастична! Потрясающа! Если бы Пол видел меня в эту минуту, он тут же повысил бы меня в должности!

Я подступаю к столу и смотрю Дугу Гамильтону прямо в глаза:

— Открывая эту банку, потребитель делает выбор, говорящий всему миру, кто он есть на самом деле. И я прошу «Глен ойл» сделать такой же выбор.

С этими словами я ставлю банку в центр стола, тянусь к колечку и с хладнокровной улыбкой дергаю за него.

Это очень похоже на извержение вулкана.

Шипучий клюквенный напиток с шумом вырывается из банки, разливается по столу, окрашивая документы и бумаги в ярко-красный цвет, и... нет, пожалуйста, только не это... фонтаном бьет в лицо Дугу Гамильтону.

— Мать твою! — ахаю я. — Ой, мне, конечно, очень жаль...

— Иисусе, — раздраженно цедит Дуг Гамильтон, поднимаясь и доставая из кармана платок. — Эта штука оставляет пятна?

— Э... — беспомощно бормочу я, вцепившись в банку, — не знаю.

— Сейчас принесу салфетку! — восклицает другой тип, поспешно вскакивая.

Дверь за ним закрывается, и воцаряется тишина, прерываемая только стуком капель клюквенного напитка, медленно падающих на пол.

Я таращусь на Дуга Гамильтона. Лицо пылает, в ушах стучит кровь.

— Пожалуйста, — выдавливаю я хрипло и откашливаюсь, — не говорите моему боссу.

Вот и все. Я провалила дело.

Едва волоча ноги по вестибюлю аэропорта Глазго, я чувствую себя совершенно опустошенной. Правда, под конец Дуг Гамильтон был настоящим лапочкой. Сказал, мол, совершенно уверен, что пятно отойдет, и пообещал не выдавать меня Полу. К сожалению, насчет сделки он не передумал.

Мое первое серьезное задание. Первый серьезный шанс — и вот как вышло. Мне хочется все бросить. Позвонить в офис

и сказать: «Это все. Конец. Я больше никогда не вернусь, и, кстати, на этот раз именно я сломала ксерокс».

Но я не могу. Это мое третье место за четыре года. Должно же хоть на этот раз получиться! Это важно для самооценки. Для моего самоуважения. И еще потому, что я должна папе четыре штуки.

— Итак, что вам принести? — спрашивает бармен, по виду австралиец, и я непонимающе смотрю на него. Я приехала в аэропорт на час раньше и сразу же отправилась в бар.

— Гм... — В голове пустота. — М-м... белого вина. Нет, лучше водки с тоником. Спасибо.

Едва он отходит, я снова оседаю на табурет. Подходит стюардесса с заплетенной по-французски косой и садится через два табурета от меня. Улыбается мне, и я слабо улыбаюсь в ответ.

Не представляю, как другие ухитряются делать карьеру. Я не из таких. Взять хотя бы мою лучшую подругу Лиззи. Она всегда знала, что хочет стать адвокатом, и теперь — трам-пам-пам! — она юрист, ведущий дела, связанные с разными там махинациями. Но я окончила колледж, абсолютно не зная, куда потом податься. Сначала я работала в агентстве недвижимости, и пошла туда только потому, что всегда любила рассматривать обстановку чужих домов, да еще встретила на ярмарке вакансий женщину с потрясающими ярко-красными ногтями, которая рассказывала, будто сколотила такое состояние, что к сорока годам смогла отойти от дел.

Но я возненавидела это занятие с первой же минуты. Возненавидела всех остальных агентов-стажеров. И невзлюбила некоторые профессиональные приемчики. Например, если кто-то говорил, что может позволить себе дом за триста тысяч, нам полагалось немедленно подсовывать ему описания домов не меньше чем за четыреста и при этом задирать нос, мол, как, у тебя всего триста тысяч? Ну, дорогой, да ты просто неудачник!

Поэтому через полгода я объявила, что меняю профессию и собираюсь стать фотографом. Это был фантастический момент! Точно как в кино или что-то в этом роде. Папа одолжил мне денег на курсы фотографии и камеру, и я собиралась начать потрясающую творческую карьеру. И это должно было стать началом моей новой жизни...

Да только все вышло не совсем так.